

Куле... в. М. Жульков...

5978

Мур...

ОСТРОВА ОЧАРОВАНІЙ АЛЬМАНАХЪ 2ХЪ

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ
НОВЫЯ ПОЭЗЫ

АЛЕКСѢЙ МАСАНЦЮВЪ
НОВЫЯ ПОЭЗЫ

И-во „АРІЭЛЬ“
ПЕТРОГРАДЪ.
МСМХVII.

ОСТРОВА ОЧАРОВАНИЙ

Набрано и напечатано въ типографіи

И-ва «АРИЭЛЬ».

Литейный пр., д. № 58.

**ОСТРОВА
ОЧАРОВАНИИ
АЛЬМАНАХЪ 2-ХЪ**

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ:

**ПОВРАГА.
КОЙТЪ И ЭМЕРИКЪ.**

АЛЕКСЪЙ МАСАИНОВЪ:

КОЛДОВСТВО.

**И-во „АРИЭЛЬ“
ПЕТРОГРАДЪ.
МСМХVII.**

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.

ПОВРАГА.

П О В Р А Г А .

У вдавненного въ лѣсъ оврага,
Стремясь всѣмъ головы вскружить,
Живеть невѣдная поврага,
Живеть, чтобы живя, вражить.

То шлетъ автомобильной шинѣ
Пустобутыльное стекло
То ночь, подвластную вражинѣ,
Нажить снѣжино наголо.

То заблуждаетъ сердце дѣвье
И—заблужденная—блудить,
То валить вялая деревья
И—ворожбовая—вражить...

Сраженная вражиной Драга
Вздражала дрогло въ дряблой мглѣ...
Пока божить, вража, поврага,
Не будетъ дружно на землѣ...

Петроградъ.
Январь. 1916.

18 ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА

Девятьсотъ пятнадцатаго года
Восемнадцатаго февраля,
Днемъ была пригожая погода,
Къ вечеру овьюжилась земля.

Я сидѣлъ въ ликеровой истомѣ,
И была истома такъ пошла...
Ты вошла, какъ женщина, въ мой номеръ,
Какъ видѣнье, въ душу мнѣ вошла...

Тихій стукъ, и вотъ—я знаю, знаю,
Кто войдетъ!—входи же поскорѣй!
Жду, зову, люблю и принимаю!
О, Мечта въ раскрылии дверей!..

О, Любовь! Тебѣ моя свобода
И тебѣ величье короля
Съ восемнадцатаго февраля
Девятьсотъ пятнадцатаго года!..

Москва.

Февраль. 1916.

О, ГОРЕ СЕРДЦУ!..

Ты вся на морѣ! ты вся на югѣ! и даже южно
Глаза сіяють. Ты вся чужая. Ты вся полеть.
О, горе сердцу!—мы неразлучны съ тобою годъ.
Какъ это странно! какъ это больно! и какъ ненужно!

Ты поблѣднѣла, ты исхудала; въ изнеможеньи
Ты вся на морѣ, ты вся на югѣ, ты вся вдали.
О, горе сердцу!—мы годъ, какъ хворость, шутя, сожгли.
И расстаемся: я—съ нѣжной скорбью, ты—въ раздраженьи.

Ты осудила меня за мягкость и за сердечность,
За состраданье къ той неудачной, забытой мной,—
О, горе сердцу!—кого я наспѣхъ назвалъ родной...
Но кто виною?—моя порывность! моя безпечность!

Моя порывность! моя безпечность! да, вы—виною,
Какъ ты, о юность! ты, опьяненность! ты, звонъ въ крови!
И жажда женской чаруйной ласки! и зовъ любви!
О, горе сердцу!—вѣдь такъ смѣнялись весна весною...

Сирень—сиреню... И съ новымъ маемъ, и съ новой листвью
Все веснѣло, сверкало, пѣло въ душѣ опять.
Я вѣрилъ въ счастье, я вѣрилъ въ женщинѣ,—четыре, пять,
Семь и двѣнадцать встрѣчая вѣсенъ, весь—безкорысть!

О, безкорысть весенней вѣры въ такую встрѣчу,
Чтобъ разставаться не надо было,—въ тебѣ-ль не зло?
О, горе сердцу!—двѣнадцать женщинѣ судьбой смело!
Я такъ растерянь, я такъ измученъ, такъ искалѣченъ...

Но боль за болью и за утратой еще утрата:
Тебя теряю, свою волшебку, свою Мечту...
Ты вся на морѣ, ты вся на югѣ, вся палету...
О, горе сердцу! И за ошибки ему расплата...

Петроградъ.

17 февраля 1916 г.

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ.

Встрѣчаются, чтобы разлучаться...
Влюбляются, чтобъ разлюбить...
Мнѣ хочется расхохотаться
И разрыдаться—и не жить!

Клянутся, чтобъ нарушить клятвы...
Мечтають, чтобъ клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Всѣ наслажденія Тщеты!..

Въ деревнѣ хочется столицы...
Въ столицѣ хочется глуши...
И всюду человѣчьи лица
Безъ человѣческой души...

Какъ часто красота уродна,
И есть въ уродствѣ красота...
Какъ часто низость благородна,
И злы невинныя уста.

Такъ какъ же не расхохотаться,
Не разрыдаться, какъ же жить,
Когда возможно разставаться,
Когда возможно разлюбить?!

Москва.

Февраль, 1916 г.

БЫВАЮТЪ ТАКІЯ МГНОВЕНІЯ...

Бывають такія мгновенья,
Когда тишины и забвенья,—
Да, лишь тишины и забвенья,—
И просить, и молить душа...

Когда всѣ людскія тревоги,
Когда всѣ земныя дороги,
И Богъ, и волненья о богѣ
Душѣ безразлично-чужды...

Не знаю,—быть можетъ, усталость,
Быть можетъ, къ прошедшему жалость,—
Не знаю—но, зяблос, сжалось
Печальное сердце мое...

И то, что вчера волновало,
Томило, влекло, чаровало,
Сегодня такъ жалко, такъ мало
Въ пустыиѣ цвѣтущей души...

Но только уньешься мгновенной
Усладой, такую забвенной,
Откуда-то вѣтъ вѣрвѣной,
Издуненной и моревой...

И снова свѣжо и солено,
И снова въ деревьяхъ зелено,
И снова легко и влюбленно
Въ познавшей забвенья душѣ!..

Гатчина.

19 Апрѣля 1916 г.

ПОЭЗА СИРЕНЕВОЙ МОРДОЧКИ.

Твоя сиреневая мордочка
Заулыбалась мнѣ остро.
Какъ по тебѣ тоскуетъ жордочка,
Курёнокъ, рябчатый пестро!...

Какъ васильковы и люнелевы
Твои лошадины глаза!
Какъ щеки дѣвственно-апрѣлевы!
Тебя Ифритъ мнѣ указаль!..

И вся ты, вся, такая зыбкая,
Такая хрункая,—о вся!—
Мнѣ говоришь своей улыбкою,
Что есть сирень, а въ ней—оса...

Харьковъ.

4 Мая 1916 г.

ПОЭЗА СЪВЕРНАГО ОЗЕРА.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Луги,
Въ лѣсу сосновомъ, на пескѣ,
Въ любимомъ обществѣ подруги
Живу въ чарующей тоскѣ...

Среди озеръ, березъ и елокъ
И сосенъ мачтовыхъ среди,
Бѣжитъ извилистый проселокъ,
Шумъ оставляя позади.

Я не люблю дорогъ шоссеинныхъ:
На нихъ—харчевни и обозъ.
Я жить привыкъ въ сквозныхъ, въ кисейныхъ
Лѣсахъ, гдѣ—колыбели грезъ.

Въ просторномъ домѣ, въ десять комнатъ,
Простой, мѣщаннстый уютъ,
Среди котораго укромно
Дни сѣверѣтніе текутъ.

Домъ на горѣ, а въ котловинѣ,
Какъ Геркулесово яйцо,
Блισταсть озеро сталь-сине,
И въ немъ—любимое лицо!

Съ ольховой удочкой, въ дырявой
И углой лодкѣ, на кормѣ,
Ты—нѣжный отдыхъ мой отъ славы,
Который я найти сумѣлъ...

То въ аметистовомъ, то въ бѣломъ,
То въ бронзовомъ, то въ голубомъ,
Ты бродишь въ паркѣ запустѣломъ
И пѣсней оживляешь домъ.

На днѣ озерномъ бродятъ раки
И плоскотѣлые лещи.
Но берегись въ зеленомъ мракѣ:
Медвѣди, змѣи и клещи!

А вечерами крыломыши
Лавируютъ среди берѣзъ,
И барабанитъ дождь по крышѣ,
Какъ громоносный Берліозъ.

Да, много въ жизни деревенской
Несносныхъ и противныхъ «но»,
Но то, о чемъ твердитъ Каменскій,
Рѣшительно исключено...

Здѣсь некому плести интриги
И некому копать здѣсь ямъ...
Ни до Вердена, ни до Риги
Нѣтъ дѣла никакого намъ..

Здѣсь царство въ нѣкоторомъ родѣ,
И оттого, что я—поэтъ,
Я кровью чуждъ людской породѣ
И свято чту нейтралитетъ...

Им. «Бѣльскъ»,
конецъ іюля 1916 г.

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПОЭЗА.

Не вѣчно мнѣ горѣть. Не вѣчно мнѣ пылать.
И я могу старѣть. И я могу устать.
Чѣмъ больше пламени въ моемъ давно бываломъ,
Тѣмъ меньше впереди огня во мнѣ усталомъ.

Но все-таки, пока во мнѣ играетъ кровь,
Хоть изрѣдка, могу надѣяться я вновь
Зажечься, засіять и устремиться къ маю...
Я все еще живу. Я все еще пылаю.

Гатчина,
8 Декабря 1916 г.

МУЗЕЙ МОЕЙ ВЕСНЫ.

О, милый, тихій городокъ,
Мой старый, вѣрный другъ,
Я измѣнить тебѣ не могъ
И, убѣжавъ отъ всѣхъ тревогъ,
Въ тебя вѣзжаю вдругъ!

Ахъ, не въ тебѣ-ль цвѣла сирень,
Сирень весны моей?
Не твой ли—ахъ!—весенній день
Взбурлилъ во мнѣ «Весенній день»,
Чей стихъ—весны яснѣй?

И не окрестности твои-ль,
Что спать въ березнякъ,
И солнцесвѣтъ, и лунопыль
Моихъ стиховъ сковали стылъ,
Гремящихъ вдалекѣ?

И не въ тебѣ-ли первый разъ
Моя вспылала кровь?
Непредназначенныхъ мнѣ глазъ,—
Ахъ, не въ тебѣ-ль,—я пилъ экстазъ!
И думалъ: «вотъ любовь!»

О, первый мой самообманъ,
Мнѣ причинившій боль,
Ты испарился, какъ туманъ,
Но ты недаромъ мнѣ былъ данъ:
Въ тебѣ была золь!

И только много лѣтъ спустя,
Ошибокъ рядъ познавъ,
Я встрѣтилъ женщину-дитя
Съ такимъ неотразимымъ «я»,
Что полюбить былъ правъ.

Да, не заѣхать я не могъ
Теперь, когда ясны
Мои улыбки, въ твой шатрокъ,
Мой милый, тихій городокъ,—
Музей моей весны!..

Гатчина,

19 Апр. 1916 г.

ПОЭЗА ДМИТРИЮ ДОРИНУ.

Я перечитываю снова
Твои стихи,—и въ ореолъ
Давно угасшаго Былого
Взлетѣлъ «Тоскующій Орелъ»!

Ахъ, чувствамъ нѣтъ опредѣленья...
Чего до слезъ, до муки жаль?
Какое странное волненье!
Какая странная печаль!

Твои стихи!—они мнѣ милы!
Нарѣдость дороги они!
Моя извѣстность не затмила
Того, что помнимъ мы одни!

И если не совсѣмъ умѣлы
Твои смущенные стихи,
Что мнѣ до этого за дѣло,
Разъ сердцу моему близки?!

Вѣдь въ нихъ и Фофановъ, и Пудость,
Твоей застѣнчивости «аль»,
И вешнихъ лѣтъ святая скудость,
Которую-то мнѣ и жаль...

Пусть мой порывъ нелѣпъ и вздоренъ,—
Я не стыжусь его; я радъ,
Что гдѣ-то живъ мой грустный Доринъ,
Меня волнующій собратъ!

Гатчина,
9 ноября 1916 г.

ГАСТРОНОМЫ ДРЕВНОСТИ.

Лукулль, Октавій, Полліонъ,
Апицій, Клавдій—гастрономы!
Вашъ гурманическій законъ:
Устроить пиръ, вслѣдить ритонъ
И уѣдаться до истомы.

Прославленный архимагиръ,
Одѣтый чуть не въ латиклаву,
Причудами Ёды весь міръ
Дивилъ, и рокотанье лиръ
Отмѣтило его по праву.

Не разъ въ шелкахъ имплувиатъ,
Закутавъ головы кукулемъ,
Къ Лукуллу толпы шли мѣнадъ
Пить выгрозденный виноградъ,
Соперчающій съ іюлемъ...

Изъ термъ Агриппы самъ Неронъ,
Искавшій упоенья въ литрѣ,
Шелъ къ гастрономамъ снить свой сонъ,
И не Нерономъ ли пронзенъ
Пронзающій его Димитрій?

И не на этихъ ли пирахъ
Тотъ, кто рожденъ съ душой орлиной,—
Пизонъ, Петроній,—палъ во прахъ,
Сраженный той, чье имя—страхъ:
Статилію—Мессалиной?

Гатчина,
15 октября 1916 г.

РИФМОДИССО.

Вдали, въ долинѣ, играютъ Грига.
Въ играньи Грига такая нѣга.
Вуалить нѣгой фюрдовъ сага.
Миръ хочетъ мира, миръ ищетъ Бога.
О, сталь поляра! о, рыхлость юга!

Пукъ бѣлыхъ молній взметнула вьюга,
Со снѣжнымъ полемъ слилась дорога.
Я слышу поступь мороза-мага;
Онъ весь изъ вьюги, онъ весь изъ снѣга.
Въ мотивахъ Грига—безсмертье мига.

Гатчина.

Ноябрь 1916 г.

МИШЬОНЕТЪ.

О, мечта бархатисто-фіолевая,
Ты, фіалка моя,
Расцвѣтаешь, меня окоролнвая,
Ароматъ свой лія...

Нѣжно тѣлится въ сердцѣ эолевая
Синильъ вздоховъ струя,
О, мечта бархатисто-фіолевая,
Ты, фіалка моя!

Гатчина.

8 декабря 1916 г.

БѢЛАЯ ФІАЛКА.

Когда Вы ѣдете къ деревнѣ
Изъ сквозь пропыленной Москвы,
Уподобляетесь царевнѣ
Вѣковъ минувшихъ тотчасъ Вы.

Къ фіалкамъ бѣлымъ зная ревность,
Берете страстно ихъ въ букетъ,
Оправдываете царевность
Отлѣченныхъ когда-то лѣтъ...

И можетъ быть—кто смѣетъ спорить?—
Способна, нѣжно-хороша,
Злой папоротникъ разузорить
Фіалки бѣлая душа?..

Ни шоколадныхъ, ни лиловыхъ,—
Лишь бѣлыя берете Вы...
Не въ повѣздѣ, не на почтовыхъ,—
На крыльяхъ надо изъ Москвы...

Гатчина.

26 декабря 1916 г.

ОСЕННЯЯ ПОЭЗА.

Уже деревья скелетвють...

Балькиб Савская.

Уже деревья скелетвють
И румяввють, и желтвють;
Ужъ лѣто бросило поля,
Ихъ зелень златомъ опаля.

Ужъ вѣтки стали, какъ дубины;
Уже засжились рябины;
И поморозили грибы
Въ сухой листьѣ свои горбы.

Уже затинились озера;
И мирового Фантазера
Мечты отусклены уже
Уже печаль въ земной душѣ.

Им. «Бѣльскъ».

7 сентября 1916 г.

ПОЭЗА ЛУННЫХЪ НАСТРОЕНИЙ.

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
Луна серебрѣть...

Прозрачная тишь...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
И лѣсъ скелетѣть...
Зачѣмъ ты молчишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
Не дышитъ, не вѣетъ
Озерный камышь...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
Поля осенѣютъ...
О чемъ ты грустишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
И въ луни свѣтлѣть
Изгорбленность крышь...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
И ликъ твой блѣднѣть...
Что въ сердцѣ таишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
Подняться не смѣетъ
Летучая мышъ...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣть...
Мнѣ хочется ласки!...—
Откликнись! Пойми-жь!

Им. «Бѣльскъ».

3 сентября 1916 г.

ПОЭЗА ОКТЯБРЬСКАГО ПОЛДНЯ.

Съ крышъ падая, таютъ брильянтки,
И солнце оставило стекла,
Сирень еще держитъ листьву...
Морозъ закрутилъ ее въ бантики,
Но къ полдню,—двѣнадцати около,—
Разбежась, глядитъ въ синеву.

Подстрижены къ маю акаціи,
И коврики глѣбютъ листовые,
Ихъ тоны темнѣютъ, увявъ...
Ветшаютъ къ зимѣ декорации
Природы, чтобъ въ дни лепестковые
Облечься въ фантазную явь...

Гатчина.

15 октября 1916 г.

ПОЭЗА СТЫДЯЩИМСЯ МОЛОДОСТИ

Куда вы отдаете силы?
Вы только вдумайтесь — куда!
И развѣ вамъ уже не милы
И лѣсъ, и поле, и вода?

И развѣ вамъ уже не любви
Восторги кисти и стиха?
И цѣловать любимыхъ въ губы —
Да развѣ это отъ грѣха?

И развѣ ничего не нужно
Для вашей юности, друзья?
Какъ слабы вы! какъ мало-дружны!
Надъ вами властвуетъ Целъзя.

И вамъ не больно? не обидно?
Вы покоряетесь?—чему?—
Своей же робости постыдной
И малодушью своему!

Вы въ заблужденьи! Пусть исправитъ
Ошибки сердце повелитъ.
Одна вѣдь молодость! Одна вѣдь!
И лишь ея стыдиться—стыдъ!

Гатчина.
ноябрь 1916 г.

ЗАЯЧЬИ МОНОЛОЖКИ.

1.

Что въ мысляхъ не тап,
Сомнѣньяи терзаемый,
Хозяева мои—
Предобрые хозяева:
Горячимъ молокомъ
Животикъ мнѣ распарили—
И знаете?—при томъ
Ни разу не зажарили!..

Им. «Бѣльскъ».
15 сент. 1916 г.

2.

—«Похожъ ты на ежа
И чуточку на вальдшнепа»,
Сказала, вся дрожа,
Собака генеральшица:
—«Случалось мнѣ тайкомъ
Вамъ, зайдамъ, хвостъ обгрызывать»...
И наглымъ языкомъ
Ротъ стала свой облизывать...

Им. «Бѣльскъ».
сент. 1916 г.

3.

Вчера сибирскій котъ
Его Высокородія
Вдругъ стибрилъ антрекотъ
(Такое ужъ отродіе!..)
Сказалъ хозяйскій сынъ:
—«Бери примѣры съ записки»,
И далъ мнѣ апельсинъ
Мой покровитель маленькій.

Им. «Бѣльскъ».
сент. 1916 г.

4.

Зачѣмъ то насъ зовутъ
Всегда какимъ то т р у с и к о м ъ,
А сами насъ жуютъ,
Смѣшно виляя усикомъ...
Ужели храбрость въ томъ,
Чтобъ вдругъ на насъ обрушиться
Съ собакой и съ ружьемъ,
Зажарить и накушаться?..

Им. «Бѣльскъ».
сент. 1916 г.

ПЬСЕНКА О ЗАЙЦЬ.

Я впивала аромать
Въ молодыхъ сиреняхъ.
Заяць кушалъ виноградъ
На моихъ колѣняхъ.
Я подшеила ему
Золотой бубенчикъ.
Сталъ мой заяць потому
Вылитый оленчикъ.

Им. «Бѣльскъ».
сент. 1916 г.

ТРИОМЕТЫ О ЗАЙЦЪ.

1.

Нашъ заяцъ, точно Передоновъ
Передъ отъѣздомъ рветъ обои.
Смѣясь, рѣшили мы съ тобою:
Нашъ заяцъ—точно Передоновъ!
Въ нихъ поруганье роковое
Цивилизації законовъ...
Нашъ заяцъ, точно Передоновъ,
Съ остервенѣньемъ рветъ обои...

Им. «Бѣльскъ».

8 сент. 1916 г.

2.

Ликуеть тѣло заячье:
По-горло молока!
Свобода далека,
Но сыто тѣло заячье.
Живеть онъ припѣваючи
И смотритъ свысока.
Въ неволѣ тѣло заячье,
Но вволю молока!

Им. «Бѣльскъ».

8 сент. 1916 г.

ГИРЛЯНДА ТРИОЛЕТОВЪ.

1.

Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
Подумать только—все былое:
Печальное и голубое...
Я въ прошлое свое влюбленъ,
Когда все было молодое...
Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!

2.

Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ,—
Тебѣ, сирень, ледокъ во зноѣ,
Тебѣ, жасминъ, душистый сонъ,—
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
Тебѣ, бывалое иное,
Тебѣ, весенній унисонъ,
Тебѣ мой грёзовый поклонъ,
Моя сирень, ледокъ во зноѣ!

3.

Моя сирень, ледокъ во зноѣ,
И ты, гуслинолапый клёнъ!
Покойтесь мирно! Спи въ покоѣ,
Моя сирень, ледокъ во зноѣ!
Я равнодушно утомленъ,
Тревожимъ смутною тоскою:
Была сирень—ледокъ во зноѣ...
Былъ онъ—румянолапый клёнъ...

4.

Печальное и голубое
 Хранить гусинолистый клёнъ;
 Скрываетъ онъ своей листвою
 Печальное и голубое.
 Тайнъ никому не выдасть онъ:
 Въдъ въ немъ малчаніе благое.
 Печальное и голубое
 Таитъ румянолистый клёнъ

5.

Таитъ гусинолапый клёнъ
 Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное.
 Охраной тайны опалёнъ,
 Зардѣвъ гусинолистый клёнъ.
 Молчаніе его—святое.
 И, даже подъ бурана стонъ,
 Таитъ,—ладонь въ пять пальцевъ,—клёнъ,—
 Вамъ чуждое, намъ съ нимъ—родное.

6.

Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное
 Постигнетъ кто? Лишь небосклонъ
 Губерній сѣверныхъ. Мечтою,
 Вамъ чуждою, намъ съ нимъ родною,
 Изъ насъ съ нимъ каждый упоенъ,
 И въ этомъ—наше роковое...
 Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное,
 Постигнетъ кто? Лишь небосклонъ.

7.

Печальное и голубое,
 Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
 О, ласковое ты и злое
 Печальное и голубое!
 И я на сѣверѣ рожденъ
 Съ печально-голубой душою.
 Печальное и голубое,
 Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!

8.

Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ,
 Печальное и голубое.
 Васъ обвивающій змѣю,
 Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
 На мигъ минувшимъ осѣненъ,
 Я сознаю: въ немъ все пустое.
 Но вамъ мой грёзовый поклонъ,
 Печальное и голубое!

9.

Печальное и голубое,
 Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
 Моя сирень—ледокъ во зноѣ—
 Печальное и голубое.
 Хранитъ гусинопалый клѣнъ
 Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное.
 Печальное и голубое,
 Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!

Гатчина.
 декабрь 1916 г.

ПОЭЗА О ПОЭТАХЪ.

Какъ мало поэтэсь! какъ много стихотворокъ!
О, гдѣ дни Жадовской? гдѣ дни Растопчиной?
Дни Мирры Лохвицкой, чей образъ сердцу дорогъ,
Стихъ героическій и вѣющій весной?

О, сколько пламени, о, сколько вдохновенья
Въ ихъ свѣтлыхъ творчествахъ вы жадно обрѣли!
Какія дивныя вы вѣдали волненья!
Какъ окрылялись вы, безкрылыя Земли!

Съ какою нѣжностью читая ихъ поэзы
(Иль какъ говаривали праѣды: стих и...) ^и
Вы на свиданья шли, и ^и Гезоваго Грѣза
Головки отражалъ озерный малахитъ...

Вы были женственны и женско-героичны,
Царица дѣлалась рабынею Любви.
Да, были женственны и значить—поэтичны,
А вашу память я готовъ благословить...

А вся безпомощность, святая деликатность,
Готовность жертвовать для мужа и дѣтей!
Не въ томъ ли, милая, вся ваша беззакатность?
Не въ томъ ли, нѣжныя, вся прелесть вашихъ дней?

Я самъ за равенство, я самъ за равноправье,—
Но... дама-инженеръ? но... дама-адвокатъ?
Здѣсь въ славѣ женщины—неясное безславые
И скорбь отчаянья: Н а и в н о м у з а к а т ь ...

Во имя Прошлаго, во имя Сказки Дома,
Во имя Музыки, и Кисти, и Стиха,
Не всѣ, о женщины, цѣпляйтесь за дипломы,—
Хоть сотню «глупенькихъ»: отъ «умныхъ» жизнь суха!

Мельчасть крупное. Кто—прошлому соперникъ?
Гдѣ п р о с т о женщина? Гдѣ женщина—п о э т ь ?
Да, только Гиппиусъ и Щепкина-Куперникъ.
Поэтъ лишь первая; вторая—м и р ь и с в ѣ т ь ...

Есть... есть Ахматова, Моравская, Столица...
Но не довольно-ли?—какъ «нѣтъ» звучитъ здѣсь «есть»...
Какая м е л о ч н о с т ь ! И какъ безлики лица!
И модно ихъ имѣть, но нудно ихъ прочесть.

Ихъ много, пишущихъ: ихъ дюжина, ихъ сорокъ!
Ихъ сотни! тысячи! Но кто изъ нихъ поэтъ?
Какъ мало поэтѣсь! Какъ много стихотворокъ!
И Мирры Лохвицкой среди живущихъ—нѣтъ!

Им. «Вѣльскъ».

23 августа 1916 г.

НА СМЕРТЬ ВЕРХАРЕНА.

Вновь, Бельгія, невинностью твоей
Играетъ ритмъ чудовищнаго танца:
Лишилась и великаго фламандца,
Лишенная свободы и полей.

И что тебѣ, страдалица, милій:
Твоя ли участь жертвеннаго агнца?
Иль розы возмущеннаго румянца?
Иль онъ, поэтъ, какъ пѣвкій солнцелей?

Все дорого: и почва, и Верхаренъ.
Твой скорбный взоръ страдаемъ свѣтозаренъ!
Твой гордый духъ насильемъ узвемъ!

Но вотъ что для меня неостижимо:
Зачѣмъ же онъ, Культура къѣмъ любима,
Ея пѣвецъ,—Культурой умерщвленъ?!

Гатчина.

16 ноября 1916 г.

Конецъ отдѣла «Поврага».

КОЙТЪ и ЭМЕРИКЪ

**ЭСТЛЯНДСКАЯ ЛЕГЕНДА
О БВЛЫХЪ НОЧАХЪ.**

Алексѣю Масаннову.

1.

Койтъ, зажигатель солнца, и Эмерикъ,—гасунья—
Встрѣтились передъ ночью въ небѣ, весной золотомъ.
Встрѣчею чаровались! Койтъ запылалъ: «Чарунья!..»
А Эмерикъ сказала: «Счастье въ тебѣ, молодомъ»...
И позабыла махнуть рукавомъ
И не подула на солнце юнье,—
И ослабло оно новолунье
Побѣдоноснымъ лучомъ.

2.

Богъ, Вседержитель неба, Солнечный Вседержитель,
Самъ Себя сотворившій, Койта и съ нимъ Эмерикъ.
Богъ разразился гнѣвомъ:—«Дерзостные, дрожите!—
Плачь мой нарушить смѣли, оцѣпившіе мигъ!»
Въ небѣ раздался испуганный крикъ:
То растерялся и Койтъ, небожитель,
И Эмерикъ, расцувшшая пни
Льняныхъ волосъ на свой ликъ...

3.

Но, переживъ мгновенье, пламеннымъ чувствомъ смѣлы,
 Правы своей любовью, искренностью осмѣлѣвъ,
 Койтъ съ Эмерикъ вскричали:—«Мы предъ Тобою бѣлы!
 Мы предъ Тобою невинны! Твой непонятенъ гнѣвъ!..»
 И Эмерикъ, отъ тоски поблѣднѣвъ,
 Облако въ руки взяла и заплѣла,
 Плѣла о чувствѣ своемъ и блѣднѣла
 Блѣдностью дѣвственныхъ дѣвъ...

4.

Но справедливъ Премудрый! Богъ остается Богомъ!
 Свѣтлое возмущенье можетъ судьбу восхитить!
 Местъ пробуждаетъ правда только въ одномъ убогомъ,—
 Богъ же всегда былъ Богомъ, пламя готовымъ простить!..
 И даровалъ Онъ имъ право—любить,
 Въ вешнія ночи скрещаются дорогамъ,—
 Разнымъ путямъ ихъ,—и въ этомъ немногомъ
 Счастье умѣтъ находить!..

Гатчина,
 19 апр. 1916 г.

Игорь Свєрлягинъ.

АЛЕКСѢЙ МАСАИНОВЪ

КОЛДОВСТВО

КОЛДОВСТВО.

О дальнемъ, о затерянномъ, о мирномъ,
О радости, которой не узнать,
О рокотѣ, о звучномъ стробѣ лириномъ...

О свѣтломъ солнцѣ—въ солнцѣ благодать!—
О страсти, не извѣданной донынѣ,
О той, которой вѣчно не понять!

Въ моей душѣ, какъ въ солнечной пустынѣ,
Произрастають дикіе цвѣты,
Въ моей душѣ струится сумракъ снѣгій.

Въ моей душѣ, волшебны и чисты,
Восходятъ тѣни и плывутъ видѣнья—
Невѣрныя и быстрыя черты!

Въ моей душѣ плавнительное ибисе,
Безвѣстные и знойные сады,
Костры любви и бури изступленья!

И отъ звѣзды до утренней звѣзды
Я въ этомъ царствѣ, вѣчный, строю храмы,
Горячіе какъ радужные льды.

И солнечны, и трепетны, и прямы
Въ просторы міра всходятъ острія
Моихъ церквей и звуки стройной гаммы.

И пробуждая радость бытія
Ликующей и звонкою трубою,
Крикъ горныхъ птицъ и рокоты ручья—

Изъ вѣчности надъ сонною землею,
Торжественно и огненно проплывъ
Проходятъ сны, подобные прибою.

Да будетъ міръ великъ и вѣчно живъ!
Привѣтъ громамъ! Молитесь воскрешеннымъ
Цвѣтамъ луговъ и цвѣту желтыхъ нивъ!

Привѣтъ веснѣ, веселымъ и влюбленнымъ.
И пѣнью птицъ и звѣздамъ золотымъ!
Привѣтъ сердцамъ, навѣки обрученнымъ!

Привѣтъ огню, которымъ мы горимъ!
Привѣтъ любви, поющей въ хорѣ встрѣчномъ—
Звучи, Любовь, для тѣхъ, кто не любимъ—

О свѣтломъ, о ликующемъ, о вѣчномъ,
О радости, насъ не уставшей ждать,
О чистотѣ и въ свѣтѣ безконечномъ

О мудромъ Солнцѣ, въ немъ же—благодать!

Петроградъ.
17 іюня 1916 г

БѢЛЫЙ АНГЕЛЬ.

И. Д. Сургучеву.

Любимый Ангель вновь поеть мнѣ иѣжно
О томъ, о чемъ ты, сердце, тосковало.
И, тихо вторя, прихожу устало,
И, тихо вторя, слушаю прилежно.

Любимый Ангель, ласковый и бѣлый,
Зоветь куда-то, но куда—не знаю.
Раскрылся мѣръ—и бѣлые предѣлы
Съ улыбкою нежданною встрѣчаю.

Все, все какъ тамъ, что я покинулъ, тѣнный,
И увидалъ, свѣтло-преображенный.
Безграничнй мѣръ непонятой вселенной.
Невѣдомой, безмертной и безсонной.

И тѣ-же птицы крылья раскластали,
И тѣ-же иѣви переливно-звонки,
И тѣ-же затаенныя печали,
И та-же страсть и въ старцѣ, и въ ребенцѣ.

Но безконечно ихъ преображенья!
Но радостно невѣрное сіянье!
Но сладостно мое пресуществленье
И я ему не вѣдаю названья!

Обманный мѣръ—иду къ тебѣ, несмѣлый.
И вновь гляжу, трепещущій и плзвивай.
Въ глаза твои, любимый Ангель Бѣлый.
Непонятный, прекрасный и мгновенный!

7 дек. 1913 г.

К О Л Х И Д А.

Привѣтливыя поляны!
Ласковые голоса!
Облачные караваны
Канули за лѣса.

Солнечное плетенье
Снова плететь кружева.
Свѣтъ, ликование и пѣнье
И листва, листва!

Кто знаетъ—что въ мѣрѣ краше
Того, что намъ снова дано
Пить изъ зеленой чаши
Опьяняющее вино?

И днямъ, соплетеннымъ въ звенья,
Пѣть и звенѣть, хваля,
Облачное цвѣтенье
И тебя, о, моя земля!

Сочи,
8 ноября 1916 г.

Росы намъ свѣтятъ утромъ,
Звѣзды намъ свѣтятъ ночью,
Птицы смѣются утромъ,
Звѣзды смѣются ночью.

Радуйтесь! Вѣчно движенье,
Сверканье росъ и зарницъ,
Свѣтъ и небесное пѣнье
Звѣздъ и влюбленныхъ птицъ!

Сочи,

8 ноября 1916 г.

М А Р Т Ъ.

Въ безгнѣвные, блаженные часы
Могучій Вождь, возставшій отъ Востока
Несетъ дожди съ прибрежной полосы.
Гремитъ съ небесъ мятежно и глубоко.
И изъ криниць незримаго истока
Кронить огнемъ сверкающей росы.

И по ночамъ звучать его рога
И вѣетъ почь, летя надъ соннымъ логомъ.
Цвѣтную ткань набросивъ на луга,
По берегамъ, въ канавахъ, по дорогамъ
Ручьи вода, прорѣзавши снѣга,
И души звѣздъ ведутъ бесѣду съ Богомъ.

Свѣтаѣтъ мгла. Мнръ будятъ пѣтухи.
Въ степяхъ земли безвѣстный странникъ пѣкнй
Подъ мѣрный гулъ проснувшихся стнхнй,
Какъ два крыла, я поднимаю вѣки—
И вотъ несу свободные стихи
Тебѣ, Весна, питающая рѣки!

1912 г.

Весенняя свирѣль. Поеть Апрель.
Весенній клнчъ. О, дальняя дорога,
Средь деревень скрипучій журавель,
Ручей и горбъ неубраннаго стога—
Все, все люблю, во всемъ провижу Бога
И ясную земную колыбель
Вновь прославляю, ясный какъ Апрель!

1914. Апрель.

КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Колокольчики пѣли
Надъ быстрой и звонкой рѣкой,
Вѣтеръ качели
Качалъ порывной рукой.

Кто-то свѣтлый смѣлся:
— «Первый дождикъ пролейся! Лей!»
И взметалъ и качался
Надъ просторомъ весеннихъ полей.

И гремящій, и юный
Дождь родился въ серебряной мглѣ
И дрожащія струны
Протянулись къ зовущей землѣ.

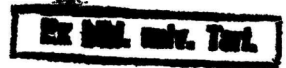
Вихревые метели
Кольхались подъ облачной мглой
И пѣвнительно пѣли
Колокольчики надъ рѣкой!

Кіевъ, 1916 г.

6-го Авг.

М У З Ы.

Влюбленности съ истомными глазами—
Она поеть въ тапцственномъ краю.
Пріятности, весенними цвѣтами
Украшившей веселую ладью.

Сердечности, брачующей союзы
И первой въ хороводѣ нашихъ музъ
И Нѣжности, всегда скрѣплявшей узы,
Мою радостный и преданный Союзъ.

Иди, Влюбленность, съ Нѣжностью къ привѣтнымъ.
Къ весенне-юнымъ, къ звонко-молодымъ.
Кружись, Пріятность, въ танцѣ незамѣтномъ,
Обманывая тѣхъ, кто не любимъ.

Брачуй союзы тихая Сердечность,
Провидя все, что будетъ впереди.
Но яркая и милая Безпечность—
Не уходи отъ насъ, не уходи!

Сочи.

1916 г. 4 октября.

Приходятъ дни и вновь уходятъ дни,
Какъ облака—и въ облачномъ разлѣтѣ
Я снова слышу какъ шумитъ листва:
— Привѣтъ любви, веселію и смѣху,
Привѣтъ веснѣ, когда растетъ трава,
Привѣтъ стадамъ, затихшимъ на почвѣхъ,
И вамъ привѣтъ, вечернія слова,
Невѣрныя, какъ лунный свѣтъ на снѣгѣ...

Двинскъ.

1916 г. 2 іюня.

ВЪ КРАСНОМЪ МОРЬ.

Мила очамъ земная красота,
Свѣтла волна зеленая морская...
Пройдя Суэць и призраки Синая,
Встрѣчаю звѣзды Южнаго Креста.

Ликуй душа! Морямъ возвращена,
Вѣтрами водъ ты, вольная, заклята.
Какъ рѣветъ небо въ радости заката!
Какъ сладко ночью дышетъ тишина!

Чудесныя и знойныя мѣста!
Пой свѣтлый югъ! Вновь солнцу сердце радо.
Подъ парусами Южнаго Креста
Единый путь, единая узда—

Пересѣкать гремящія моря,
Пробороздить невѣдомыя воды—
И, въ гавани бросая якоря,
Привѣтствовать безвѣстные народы!

ЦЕЙЛОНЪ.

Въ густыхъ лѣсахъ пресвѣтлаго Цейлона,
Нѣжнаго Цейлона,
Пробѣгъ ручьевъ, и пряный шелестъ, и шорохъ змѣй.
Въ густыхъ лѣсахъ взростаетъ поинціона,
Краса Цейлона,
Царить баньянъ и арумъ дышетъ сонно
Въ зеленой тѣмѣ.
Гляди, люби, цѣлуй влюбленно
Цвѣты Цейлона,
Но рвать—не смѣй!

Въ густыхъ лѣсахъ пресвѣтлаго Цейлона,
Юнаго Цейлона,
Стукъ топоровъ, и голосъ юги, и крикъ слона.
О, змѣи волнь, рокочущихъ безсонно
У вратъ Цейлона!
О, шорохъ пальмъ! О, звѣзды Оріона!
О, тишина!
Сама Весна сіяетъ благосклонно
Въ лѣсахъ Цейлона,
Весна!

Цейлонъ, Цейлонъ! Слѣпительно-зеленый
Цейлонъ зеленый,
Плѣнительный и нѣжный островъ юныхъ, тѣхъ кто влюбленъ!
Въ отрогахъ горъ шумятъ многокоронно
Лѣса Цейлона,—
Вѣи, вѣтролетъ, свирѣля тихозвонно,
Съ кокосныхъ кронъ.
Безвѣстный путникъ, солнцемъ напоенный,
Пою зеленый,
Тебя, Цейлонъ!

1915.

Х А К О Н Е.

(Японія).

Преодолювъ послѣднее успѣе,
Въ весеннемъ снѣ,
Прозрачность тихо оцускаетъ крылья
На Хаконе.

И въ нѣжности, любви своей прозрачной
Не раздѣля,
Становится веселой новобрачной
Моя земля.

Цвѣтенье сливъ—какъ розовая риза.
Въ глуши вѣтвей
У стлѣ спитъ замшелый карликъ Дзисо,
Божокъ дѣтей.

О, юный мѣръ! Того, кто ясно вѣрять,
По ступенямъ,
Зоветь къ себѣ средь древнихъ криптомерій
Старинный храмъ.

Тамъ сладко пахнетъ ладаномъ и лакомъ
И въ тишинѣ,
Глядитъ Будда, вѣщанный тайнымъ знакомъ,
На Хаконе.

1913.

О. Т А И Т И.

Рондель.

Въ странѣ, гдѣ пѣла Тіауи,
Гдѣ вѣченъ миръ и вѣчно лѣто--
Очарованье свѣтлыхъ струй
Въ священныхъ рощахъ Панаеста.
Звучивъ веселый подвѣлуй,
Рожденный въ трепетѣ расцвѣта,
Въ странѣ, гдѣ пѣла Тіауи,
Гдѣ вѣченъ миръ и вѣчно лѣто.
Повѣривъ въ сумракъ пальмъ и туи,
Безумная мечта поэта,
Колдуй, призывная, колдуй
О томъ, какъ расцвѣтаетъ гдѣ-то
Страна, гдѣ пѣла Тіауи!

1916. Сочн.

О ЧЕМЪ ОНА ПОЕТЪ...

Я въ бѣломъ замкѣ живу,
Я въ бѣлой лодкѣ плыву,
Рву, проплывая, траву.

Сладко дрожанье волны,
Сладко дыханье весны,
Свѣтлый покровъ тишины.

Я въ бѣломъ замкѣ живу.
Выйду къ высокому рву,
Добрую мать призову.

— Встань надъ бѣгущей рѣкой!
Тронь всемогущей рукой!
Бѣдную дочь успокой!

Дочка томится и ждетъ,
Дочь позабудокъ нарветъ,
Въ ясное небо уйдетъ.

Я въ бѣломъ замкѣ живу,
Я въ бѣлой лодкѣ плыву,
Выйду къ высокому рву,
Свѣтлую Смерть призову...

ТРЕТИЙ...

Не утоленный—любовь не утоляет—
Иду, безсонный, и ты идешь со мной.
Но третій кто-то—онъ знаетъ или не знаетъ
О нашемъ тайномъ и о тоскѣ земной?

И третій кто-то идетъ и смотритъ жутко
И манитъ жадно и кричитъ вдали!
Ахъ, пусть любовно—любовь плохая шутка—
Разъ третій кто-то—ничто не утолить!

Петроградъ.
1916, июнь.

МНѢ ДАРОВАНО...

МнѢ даровано бытіе.
МнѢ дарована власть смѣяться!
МнѢ даровано сердце мое,
Чтобъ я могъ надъ нимъ издѣваться!

И, смѣясь, натянувши канатъ
Между вашими злыми глазами,
Я безумствую—акробатъ
Въ душевспасительной мелодрамѣ.

Быть можетъ, кто-то пойметъ.
Быть можетъ, кто-то осудитъ.
Ахъ, не все-ли равно!—Впередъ
Въ озареніи или въ блудѣ!

Лишь звѣринаго бытія
Снова вертится и мутится...
МнѢ дарована страсть моя,
Чтобъ мнѢ съ ней веселѣй разбитыся!

Кіевъ, 1916.

5-го Авг.

П Л А Ч Ъ.

Газета.

О жизни, повелѣвшей плакать горько,
О радости сгорѣвшей плачьте горько!

О тишинѣ, любимой и забытой,
И обо мнѣ рыдайте, плачьте горько!

Душа моя—какъ садъ, грозой прибитый.
Ахъ, плачьте о душѣ, рыдайте горько!

Какъ склепъ душа моя. Разбиты плиты
И мертвые встають и плачуть горько!

Не вижу дня. Глаза мои закрыты.
Не знаю слезъ, по плачу, плачу горько.

Ты, мать моя! Ты, мой отецъ забытый!
Вы, старые! Рыдайте, плачьте горько!

Такъ! Если гнѣвъ съ беспльемъ въ сердцѣ слиты,
Что дѣлаешь ты, близкій? Плачешь горько?

И я кричу и плачу—ахъ, пойми ты,
Какъ плачу о себѣ, какъ плачу горько!

1913. Пгр.

ОТЧАЯНЬЕ.

Послѣдній зовъ, небесныя моря,
Какъ тихо гаснущее пламя..
Вновь алая пустынная заря
Встаетъ устало надъ холмами.
Невѣрная! Обманчивый и злой,
И лживый ликъ, твердящій про спасенье.
И мѣръ, и жизнь, обвѣянные мглой,
Томятъ, но не даруютъ утоленья.
Нѣтъ радости на горестной землѣ!
И нѣтъ цвѣтовъ въ душѣ моей убогой!
Бреду. Вотъ мѣсяць въ сизой полумглѣ
Встаетъ надъ пыльною дорогой.
И жалостью, не вѣдающей сна,
Звешитъ душа надъ темными полями,
Гдѣ желтый мѣсяць смотритъ изъ окна
Несытыми и страшными глазами.

1916.

НА КНИГЪ...

Гете и Данте, Гомеръ и высокій Виргилій!
Вашимъ сердцамъ, вашимъ пѣснямъ душа моя властно открыта,
Какъ цвѣтокъ, принимающій росную влагу.
Мудрости вашей, смущенный, я внемлю прилежно,
Смертной душой посылая свой отзвукъ безсмертнымъ...

1912.

НА СТОХОДЪ.

Два легкіе снаряда вновь пропѣли
Къ болоту, внизъ.
Надъ лѣсомъ снова бѣлыя пращели
Разорвались.

И пулеметь, загрохотавши злобно,
Тамъ, за рѣкой,
Кричитъ о вѣчной горести заgrabной
Въ июльскій зной.

Не знаю что приму въ моемъ грядущемъ,
Не знаю самъ.
Не вѣрю въ глѣбѣ босвомъ, ревушимъ
Безумнымъ днямъ.

По къ этимъ демонамъ, слѣпымъ и вздорнымъ,
Въ глухомъ бреду
Встающимъ въ облакѣ жестоко-черномъ—
Иду! Иду!

На Стоходѣ. Маринково.

24 іюля 1916.

В Е Ч Е Р Ъ.

Зоѣ Яковлевой.

Зажигались огни
И вечернее небо
Медленно стало густымъ и мягкія тѣни...
Облака, пламенѣющіе корабли,
Тихо плыли въ далекіе и синіе просторы
По корчѣмъ звѣздамъ,
Блпстательнымъ маякамъ.
И въ небесныхъ безднахъ,
Славослова дыханье бесчестныхъ міровъ.
Голубые ангелы
Проѣли свои легкія пѣсни...
Тише, безсонные!
Колесница ночи
Выѣхала изъ лазурныхъ воротъ
И Предвѣчная Тишина
Проплыла надъ землею,
Одѣтая въ звѣздное платье...

Псковъ,
1916 г., 17 Сентября.

Т Е Р Ц И Н Ы.

Въ цвѣтныя стекла, солнечно и прямо,
Какъ Божій даръ, какъ вешняя вода,
Нисходитъ свѣтъ въ глубокой сумракъ храма.

И на полу цвѣтная борозда
Легла, играя синими огнями,
Блеснула—и исчезла безъ слѣда.

И вотъ органъ поетъ въ старинномъ храмѣ
И призываетъ пѣніе огней
Безсонными вечерними тѣнями.

И все печальнѣе, и все нѣжнѣй
Плывутъ и стынутъ жалобные звуки
И голоса тоскующихъ тѣней

Поютъ о нескончаемой разлукѣ...

Двинскъ,
2 Мая 1916 г.

СТАРУШКА БОЖЬЯ.

Идетъ старушка Божія
Отъ запада къ востоку.
Ничто не потревожитъ
Радости далекой.
Горитъ заря усталая,
Камень ноги колетъ.
Идетъ старушка малая
И кротко Бога молятъ.
Кончены мученія,
Жизнь все тише, тише...
Ангельское пѣніе
Радостная слышитъ.
Шумятъ сады лазурные
И свѣтъ, какъ откровенье.
Сжигаютъ дни безбурные
Послѣднія мгновенья.
И слышитъ осіянная
Сквозь горнія дубравы:
—Иди сюда вѣнчанная,
Для нашей свѣтлой славы.
—Прошла дорога знойная,
Испей изъ райской чаши!
—За что же, недостойная,
Войду въ чертоги ваши?
—За то—поетъ ей сладостный
Голосъ вдохновенный,
Что пребыла ты радостной,
Тихой и смиренной.
Высоки звѣзды синія,
Но выше въ кроткой силѣ
Тѣ, кто грѣхъ унынія
Любовью побѣдили...

Псковъ, 1916 г.

СВ. СЕРАФИМЪ.

Моему отцу.

Закатный свѣтъ, молитвенныя зори,
Моя Земля и міръ, что такъ любимъ.
Любилъ его и ясный чудотворецъ,
Святитель, преподобный Серафимъ.

Простой, онъ жилъ какъ птицы полевья.
Бѣднякъ, не онъ богатства собиралъ.
Но ангелъ въ алтарѣ на литургіи
Ему кадило тайно подавалъ.

О, часъ утра и голосъ пѣсенъ ранній!
Крикъ пѣтуховъ, жужжаніе шмеля,
Роса на ржи и тихое сіянье,
Когда Господь нисходитъ на поля.

И монастырь. И въ монастырскомъ клирѣ,
Какъ отъ кадила уплываетъ дымъ,
Ушелъ отъ насъ безгрѣшно жившій въ мірѣ
Премудрый и пресвѣтлый Серафимъ...!

Петроградъ.
Іюнь 1916 г.

Вечерняя душа творить молебны
Вечерней грусти, меду спѣлой ржи,
Вечерней славы, тихому сіянью...
Ночныя воды ясны и свѣжи,
Сильный и слаще душиный запахъ хлѣбный
И снова подъ окномъ моимъ стрижи
Привѣтствуютъ твое очарованье...

Двинскъ,
2 іюня 1916 г.

Г А З Э Л А.

И любишь ты пльнительно, но тайно.
И гредишь ты, скорбишь и плачешь тайно.
Необычайная, любя необычайно—
Какъ плачешь ты, какъ ты страдаешь тайно!
Въ жестокой часъ, увидѣвшись случайно,
И я люблю, и я страдаю тайно!
О, тайна душъ, непонятая тайна—
Любить и жить, страдать и плакать тайно!

1914.

Т Е Р Ц И Н Ы .

Томительное зарево веселій
Цвѣтъ глазъ твоихъ—я ихъ несыто пью—
Вечерній сонъ и сонъ истомы въ тѣлѣ.

И, направляя вѣрую ладью
Въ закатные и алые заливы,
Я плылъ и пѣлъ, какъ я сейчасъ пою.

Помедли мигъ, мгновенный и счастливый!
Послѣднія безумія мои—
Какъ вы свѣтлы и какъ свѣтло ласки вы!

И, разбивая струйный бѣгъ ладь,
Гудѣлъ прибой, напѣвно выростая,
И въ сладкомъ и невольномъ забытїи

Я угасалъ, я спалъ. И засыпая,
Сквозь слабый шумъ осенней пустоты,
Провидѣлъ свѣтъ невѣдомаго рая.

И слышалъ какъ прибрежные цвѣты,
Вы, васильки, вы, звѣзды голубыя,
Звенѣли ласковы, премудры и чисты

Объ имены моей любимой Лїн...

1916 г.

Моя любовь, мое изнеможенье!
Вечерній вѣтеръ. Бѣлый монастырь.
Въ сосновыхъ кельяхъ ангельское пѣнье
И лики дѣвъ. И лики свѣчъ. Псалтырь...

И въ радости, въ моей безумной яви—
О, кто пойметъ!—гдѣ я стою въ тоскѣ
Ты, вѣчная, въ своей пѣвучей славѣ
Проходишь съ лиліей въ рукѣ.

И трепеща, не вѣруя въ спасенье,—
Но радуясь! Но плача! Но любя!
Я снова слышу ангельское пѣнье
И голосъ звѣздъ... И снова нѣтъ тебя!..

Двинскъ, 1916.

2 июня.

Она приходила къ синему морю, бѣлая, милая и простая.
Синее море шумѣло покорно, гудѣло широко и плавно—
Милая дѣвушка, слушай прилежно мудрыя волны морскія:
— Ты—Афродита, ты—Калипсо, ты—Навзикая,
Вѣчная сказка, отрада влюбленныхъ—издавна! издавна!—
Нынѣ зовешься Лією ты... Радуйся, милая Лія!

Двинскъ, 1916 г.

Н О...

Дальній зовъ къ обѣднѣ ранней,
Монастырскій, далекій зовъ...
И все радостнѣй, и все желаннѣй
Шорохъ милыхъ твоихъ шаговъ.

Пусть обмануть я подло и плоско!
Но луна и твои черты,
И простая твоя прическа
Вновь глядятъ изъ ночной темноты.

Ахъ, не вѣрю, не вѣрю, не знаю
И не жду разрѣшенья сновъ!
Но влюбленно и жадно внимаю
Предразсвѣтному зову шаговъ...

Двинскъ, 1916 г.

Земная плоть цвѣтетъ и дышитъ вольно.
Прими, Господь, ликующую плоть!
Ее душа безсильна и безвольна,
Непобѣдимую, смиришь и побороть!

И сладокъ мѣръ! И радостно томленье,
Любовь и свѣтъ, и ласковость тепла,
Когда цвѣтутъ влюбленныя тѣла
И человѣкъ взросластъ, какъ растенье.

И милая, знакомая луна,
Глядящая украдкой изъ-за дома,
Измѣнчивая, снова незнакома,
Зане—любовь, зане—цвѣтаетъ весна!

Не осуди же, праведный Господь,
Мои слова, вѣдѣнья и заклѣтья,
Благословивъ бунтующую плоть,
Призывающую встрѣчныя объятя!

Двинскъ, 1916 г.

Божественность ликующей земли,
Гдѣ и любить, и грезить долженъ всякій,
Цвѣты луговъ, моря и корабли,
Изломы рѣкъ и солнечные злаки!

Гулъ городовъ, земной безумный бредъ,
И голосъ звѣздъ съ безумнымъ міромъ слитый.
Привѣтъ надеждъ—да будетъ вешній цвѣтъ,
Зеленый цвѣтъ, намъ вѣчною защитой!

И пѣнье птицъ, свирѣляющихъ въ садахъ,
И голосъ музъ, призывающихъ въ дубравахъ...
Моя земля, пресвѣтлая звѣзда,
Горящая для правыхъ и неправыхъ!

Восторги бурь! Суровые грома!
Круженье солнцъ! Безуміе кометы!
Свирѣпость мглы—и дикій свѣтъ ума,
Зажегшій всѣ земные наши свѣты!

Безгранность, гдѣ ликуя и грѣша,
Проходитъ жизнь по солнечнымъ дорогамъ,
И надо всѣмъ—свободная душа!
Всечеловѣка, ставшаго всебогомъ!

Двинскъ,
2 іюня 1916 г.

Алексѣй Масаиновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ.	
Поврага	5
Койтъ и Эмерикъ	37
АЛЕКСЪЙ МАСАННОВЪ.	
Колдовство	41

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ:

«Мираллія», VII-й томъ поэзы.

АЛЕКСѢЙ МАСАННОВЪ:

«Отходящіе корабли», 1-й томъ поэзы.

«Незабываемое», очерки войны, большой иллюстрированный томъ in 8°.

И-во «АРИЭЛЬ»
Литейный просп., 58.
Тел. 113-17.

1.50

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Невскій, 55.

«ЗЕМЛЯ».